

КОМПАРАТИВИСТИКА

УДК 821.161.1

DOI:10.17223/24099554/5/6

Рита Джулиани

ГОГОЛЬ – ГЕТЕ – РИМ, ИЛИ ТРЕУГОЛЬНИК С АРАБЕСКАМИ

Статья посвящена сопоставительному анализу пребывания Гете и Гоголя в Риме в 1780-е и 1830-е годы: их видению города, влиянию, которое Вечный город оказал на их жизнь и творчество. Акцентируются биографические аналогии: общие знакомые, охватившая писателей страсть к рисованию и живописи, приливы творческого вдохновения, любовь к одним и тем же шедеврам искусства и достопримечательностям. При сопоставлении текстуальных откликов на римское путешествие делается вывод, что созданный Гоголем образ города смелее и оригинальнее гетеанского, поскольку русскому писателю удалось преодолеть господствующую в те времена любовь к памятникам древности и шедеврам эпохи Возрождения.

Ключевые слова: компаративистика, русско-немецкие литературные отношения, Н.В. Гоголь, И.-В. Гете, Рим, Италия.

По поводу пребывания в Риме двух писателей и влияния, которое Вечный город оказал на их творчество, уже пролиты потоки чернил, но говорить о Гете и Гоголе в связи с объединившим их отношением к Риму – значит принимать во внимание тему, недостаток основательных исследований которой настолько очевиден, что я попытаюсь если не поставить эту проблему, то хотя бы очертить ее контуры бегло, поскольку нити, связующие Гете, Гоголя и Рим в некий треугольник с арабесками, действительно бесчисленны.

Литературоведческая традиция неоднократно отмечала следы влияния Гете в самых ранних текстах Гоголя. Уже стихотворение «Италия» (1829), с большой степенью убедительности атрибутируемое русскому писателю, является конгломератом клишированных представлений об Италии, восходящих к знаменитейшему стихотворению Гете «Песня Миньоны», переведенному на русский язык ге-

нием перевода В.А. Жуковским («Мина»)¹ [1]. Идиллия «Ганц Кюхельгартен», опубликованная в этом же году, завершается обращением к великому немецкому писателю:

О, как тобой душа полна!
Тебя обняв, как некий Гений,
Великий Гетте бережет,
И чудным строем песнопений
Свекает облака забот. [1. С. 65].

Не перечисляя подробно всех гетеанских тем и мотивов в этом произведении Гоголя, напомним, по крайней мере, что «Ганц Кюхельгартен» был признан «одним из первых отражений широкого увлечения немецкой романтической стихией в русской поэзии конца двадцатых годов», ярким проявлением «гетеанства романтической эпохи» [3. С. 168, 169]. Кроме того, титул и жанровое своеобразие цикла «Арабески» очевидно восходят к немецкой романтической традиции, начало которой положил именно Гете в статье «Об арабесках» (1789). Немецкий писатель имел оригинальное представление об арабеске, основанное на изучении античного и восточного искусства. Позже и Ф. Шлегель ввел в терминологический аппарат эстетики своего времени понятие арабески как творческого принципа. И для Гоголя арабеска была не только декоративным, но и структурно-композиционным элементом. Гете обозначал понятием «арабески» определенную жанровую структуру – смесь коротких разножанровых текстов². После выхода в свет гоголевских «Арабесок» О.И. Сенковский саркастически сравнил Гоголя с Гете [4]. Он не мог предположить, до какой степени был прав.

Треугольник «Гоголь – Гете – Рим» остается вне внимания исследователей. И все же, несмотря на хронологическую дистанцию, разделяющую двух писателей, их отношение к Риму, их видение города, влияние, которое пребывание в Вечном городе оказало на их жизнь и творчество, обнаруживают поразительные аналогии.

Гете, подобно гоголевскому персонажу-ревизору, прибыл в Рим инкогнито 29 октября 1786 г. Ему было 37 лет, он страстно мечтал о

¹ О рецепции «Песни Миньоны» в России см. [2].

² В этом же жанре «арабесок» написаны «Фантазии об искусстве» Вакенродера, переведенные на русский в 1826 г.

путешествии в Италию, которое должно было стать своего рода возрождением – в духе винкельмановской традиции. Желание отправиться в Рим с годами стало для Гете своего рода манией: в «Итальянском путешествии» он утверждал, что «неодолимое стремление» «приблизиться к центру», т.е. к Риму, в «последние годы <...> стало чем-то вроде болезни...» [5. С. 131]. 30 октября немецкий писатель обосновался в Каза Москателли на Виа дель Корсо, 18, в артистическом пансионе, где жил также художник Иоганн Тишбейн (1751–1828). Гете пробыл в Риме четыре месяца (до 22 февраля 1787 г.), потом предпринял путешествие в Южную Италию, вернулся в Вечный город 6 июня 1787 г. и остался в нем еще на 10 месяцев – до 23 апреля 1788 г., после чего вернулся на родину. Гете оказался в Риме в эпоху наибольшего расцвета культурного авторитета города, когда Рим для всего мира был непререкаемой столицей искусств, местом, где формировались и расцветали таланты самых великих европейских художников, одним словом, Гете оказался в Риме в так называемый «гетеанский век» (*Goethezeit*).

Гоголь прибыл в Рим 25 марта 1837 г. – и тоже остановился в пансионе, где обитали главным образом художники, на Виа Сан-Изидоро, 17. В это время Рим, потесненный со своих позиций Парижем, уже не был средоточием европейского искусства, но по-прежнему оставался притягательной целью для паломников, совершающих романтическое или образовательное путешествие. Гоголю было 28 лет; пробыв в Риме три месяца (до 24–25 июня), он вернулся в Вечный город в ноябре и нанял квартиру на Виа Феличе, 126, – в этот дом он возвращался неоднократно. Его второе пребывание в Риме продлилось около 8 месяцев, до июля 1838 г. В целом Гоголь, приезжавший в Рим девять раз, провел в Вечном городе четыре с половиной года [6]. Его «выгнал» в Италию не только неуспех «Ревизора» [7]; это была его вечная страсть к переездам, беспокойный дух и смутное желание увидеть «другие небеса», «южные зеленые рощи», «страны нового и свежего воздуха» [8] – страсть, питаемая романтическими представлениями, которым положило начало все то же творчество Гете, представившее путешествие в Италию как поэтический символ освобождения и волшебного преображения жизни. Риму суждено было стать самым долгим, счастливым и важным привалом на пути затянувшегося бегства Гоголя из России.

Как следует из документальных свидетельств, пребывание в

Риме и Гете, и Гоголя имеет определенные различия и очевидное своеобразие. Между тем как сам Гете детальнейшим образом описал свою римскую жизнь в документальных и художественных текстах, о гоголевской жизни в Риме мы знаем очень мало, особенно о 1838 г., и то малое, что нам известно, извлечено из обмолвок в письмах, из повести «Рим» и воспоминаний современников. И Гоголь, и Гете увлеченно занимались в Риме рисованием и пейзажной живописью – но если рисунки и акварели Гете сохранились, то римские рисунки Гоголя почти все потеряны. Один из римских рисунков Жуковского, набросанный во время счастливых для обоих друзей-писателей «римских прогулок» зимой 1838–1839 гг., документировал страсть Гоголя к рисованию: он запечатлен рисующим панараму Палатина [9].

Очень различно отношение русского и немецкого писателей к современному Риму: Гоголь его очень любил, вплоть до того, что явно предпочитал современность античным памятникам [10], Гете же выше всего ценил оживленную культурную жизнь. Любовь к античным древностям и величию эпохи Возрождения у Гете явно превалировала. Напротив, Гоголь, чей вкус был воспитан барочной традицией его исконной культуры, обладал чисто барочным чувством прекрасного и, следовательно, его влек современный Рим, превращенный в город-произведение искусства в эпохи Возрождения и Барокко. На веймарского поэта, как на добропорядочного протестанта, пышная барочная обрядность католической литургии навевала скуку, если вообще его не отталкивала; Гоголя же эта пышность завораживала. Римский карнавал вызывал у Гете чисто антропологический интерес: в «Итальянском путешествии» он описывает его со скрупулезной точностью, но без малейшей эмоциональной синтонии [11]. Напротив, Гоголь страстно любил этот народный праздник и бросался в него как в омут, с головой, вплоть до того, что нацеплял маску: это отметил Жуковский в дневнике 1839 г., а художник А.П. Мясоедов, возможно, изобразил Гоголя на картине «Карнавал в Риме» (1839): А.С. Янушкевич предположил, что одна из фигур картины изображает Гоголя, обряженного в красную рубашку à la мужик [12].

Римское счастье Гете имело ярко выраженный чувственный оттенок, абсолютно чуждый Гоголю. Гете любил римских женщин – и написал напряженно-эротические, почти на грани приличия, «Римские элегии», в то время как Гоголь, подобно герою своей повести

«Рим», восхищался женщинами на почтительном расстоянии и, по свидетельству П.В. Анненкова, безупречно целомудренно [13].

Последнее и главное различие в «чувстве Рима» русского и немецкого писателей заключается в том, что Гоголь со временем разлюбил Вечный город, перейдя от энтузиазма к безразличию; напротив, Гете покинул город на вершине счастья и с благодарностью за пережитое в нем «второе рождение».

Пребыванию в Риме Гете посвятил несколько произведений, написанных не только по горячим следам его путешествия, но и много лет спустя: «Римские элегии» были созданы вскоре после возвращения в Веймар, осенью 1788 – зимой 1790 г.; 20 стихотворений цикла увидели свет в 1795 г. в альманахе Шиллера «Оры» (еще 4 стихотворения сам Гете счел слишком рискованным для напечатания). Написанное в 1813 г. «Итальянское путешествие» было опубликовано отдельными фрагментами в 1816–1817 гг., а его третья часть, посвященная второму периоду пребывания Гете в Риме, напечатана сразу после создания, в 1829 г. По мнению исследователей, Гоголь, «вероятно, знал в какой-то мере и его “Итальянское путешествие”» [4. С. 886]. Ниже мы увидим, с какой степенью уверенности можно это утверждать.

Свое восприятие Рима Гоголь запечатлел в повести «Рим», вышедшей в свет в 1842 г. и подготовленной к печати в течение зимы этого года (более точными сведениями о времени работы Гоголя над этой повестью мы не располагаем). Что же касается писем, Гоголя из Рима, то они начали появляться в печати только в конце 1850-х гг.; их публикация, часто с купюрами, продолжалась многие десятилетия. Эти письма надолго стали основным, наиболее известным и часто цитируемым источником представлений об отношении Гоголя к Вечному городу, а повесть «Рим» столь же долго оставалась на периферии исследовательского внимания, отчасти из-за подзаголовка «Отрывок», заставляющего воспринимать текст как незавершенный, отчасти из-за того, что считалась «непонятной»³, как заметил Ю.М.

³ «Еще более удивителен тот факт, что и из наследия крупнейших художников тех лет (Пушкин и Гоголь) не все оказывается предметом исследовательского внимания. Причем речь идет не о произведениях, которые опускаются в силу полной понятности, а о тех, которые обходятся именно потому, что непонятны. В общих работах, освещающих эволюцию творчества Пушкина, мы не найдем упоминаний ни «Анжело», ни «Тазита». В обширной советской «гоголиане» найдутся работы обо всех произведениях Гоголя, кроме «Рима», – повести, по словам Белинского, равно изумляющей “и своими достоинствами, и своими недостатками”» [14]. Это замечание было убрано в изд. [15].

Лотман. Выразительной иллюстрацией этой периферийности может служить книга блестящего эрудита Павла Муратова «Образы Италии» (1923, 3-е изд.), в которой цитируются только римские письма Гоголя, но повесть «Рим» – никогда.

При всех этих различиях пребывание немецкого и русского писателей в Риме уже в биографическом плане демонстрирует удивительные аналогии. Прежде всего, у Гете и Гоголя были общие знакомые: В.А. Жуковский, княгиня З.А. Волконская, С.П. Шевырев, который вместе с Волконскими посетил Гете в Веймаре в 1829 г. и, рассказывая об этой встрече в 1839 г., вспоминал о карте Рима, висевшей на лестнице веймарского дома Гете [16].

Живя в Риме, Гоголь имел возможность познакомиться и время от времени встречаться с ганноверским дипломатом Августом Кестнером (1777–1853), сыном той самой Шарлотты Буфф, которая была юношеской любовью Гете и прототипом Лотты в романе «Страдания молодого Вертера»; отвергнув поэта, Шарлотта вышла замуж за дипломата Иоганна Христиана Кестнера (1741–1800). Кисти Августа Кестнера, который был еще и художником-любителем, принадлежал портрет, вызвавший восхищение и Гете, и Гоголя: в конце 1820-х гг. Кестнер послал Гете портрет Виттории Кальдони, «девушки из Альбано», знаменитой натурщицы многих живших в Риме художников, и удостоился похвалы поэта [17]. Гоголь тоже высоко оценил этот портрет, широко известный в художественных кругах Рима; его копия была и в живописном собрании Жуковского. Точный экфрасис этого полотна сохранился в дошедших до нас черновых вариантах повести «Рим», в описании внешности Аннунциаты [17. С. 134, 146, 167–168]:

Вот, повернулась картинная голова, коса кольцом, сверкнул затылок и тонкая снежная шея. Еще движение, и уже видна благородная прямая линия носа, тонкой конец брови и три длинные иглы ресниц. А что же далее... но нет, не гляди, не подноси своих молний [4. С. 476].

Обосновавшийся в Риме Кестнер прожил в городе до самой смерти; его прах покоится на некатолическом кладбище Тестаччо – там же, где был похоронен и сын Гете Август, умерший в Риме от скарлатины в 1830 г. Могила молодого Гете находится недалеко от места захоронения дочери Петра Вяземского Прасковьи (Полины) – ее могилу Гоголь посещал неоднократно, в том числе и вместе с княгиней Волконской [18. С. 156–157]. А в 1839 г. Рим стал для Гоголя

своего рода театром, на подмостках которого осуществилось таинство скоропостижной и мучительной смерти дорогого ему человека, юного Иосифа Виельгорского.

С самого начала своего римского гостевания Гете и Гоголь посещали одни и те же кружки художников, в которые быстро вписались, однако эти одинаковые увлечения артистической богемой одинаково не поощрялись их корреспондентами. В январе 1833 г. А.И. Тургенев писал Вяземскому из Рима, что Гете, «попавшись в Италию в руки Анжелики Кауфман, Майера, Тишбейна и пр.» (см. о них [19, 20]), совершенно «испорчен ими» [21]; приблизительно то же самое о Гоголе сказал С.Т. Аксаков:

<...> нам казалось, что Гоголь не довольно любит Россию, что итальянское небо, свободная жизнь посреди художников всякого рода, роскошь климата, поэтические развалины славного прошедшего, все это вместе бросало невыгодную тень на природу нашу и нашу жизнь [13. С. 276].

В Риме оба писателя позировали известным художникам, своим друзьям: знаменитый портрет Гете, на котором он изображен на фоне пейзажа Римской Кампаньи, принадлежит кисти Тишбейна⁴; портрет Гоголя написал в 1841 г. Александр Иванов⁵. Оба писателя подружились в Риме с высокообразованными женщинами: Гете – со знаменитой портретисткой Анжеликой Кауфман (1741–1807) [20], Гоголь – с княгиней Зинаидой Волконской. Обе женщины жили в Риме до конца своих дней, обе были хозяйками знаменитых салонов, которые посещала вся космополитическая интеллектуальная элита Рима; и Анжелика Кауфман, и Зинаида Волконская были гостеприимны и щедры по отношению к обоим писателям – они ввели их в римскую культурную элиту, познакомив с избранной итальянской интеллигенцией, которую Гете и Гоголь высоко ценили.

Все это, однако, не более чем описание среды, обрамляющей римские месяцы и годы двух великих классиков. Теперь посмотрим, как они переживали встречу с Римом.

Своего рода эстетическое опьянение с головой бросило обоих писателей в мир художественных сокровищ города: картинных галерей, музеев, вилл, руин, храмов... Впечатления были настолько

⁴ О «римских» портретах Гете см. [22].

⁵ О портретах Гоголя см. [23].

сильными, что погружали их в состояние почти бредового возбуждения: по словам И.Ф. Золотарева, у Гоголя оно приняло форму бессонницы [13. С. 215]. Гете в одном из писем признавался: «А вечером чувствуешь себя усталым и истощенным от созерцания и удивления» [5. С. 138]. Его утверждение, что «в других местах значительное приходится разыскивать, здесь мы повсюду подавлены им и пресыщены» [5. С. 137], перекликается со словами, которые Гоголь адресовал Жуковскому в письме от конца февраля 1839 г.: «Было, помните, мы гонялись за натурою, то есть, движущеюся, а теперь она сама лезет в глаза: то осел, то албанка, то аббат...» [18. С. 202].

К обоим писателям приходит чувство душевного успокоения. Гете пишет из Рима: «Я живу здесь в таком безмятежном спокойствии, какого давно не испытывал» [5. С. 141]. Гоголю тоже дано было испытать здесь подобную душевную ясность и спокойствие: «У меня на душе хорошо, светло» [18. С. 351].

Красота природы и изобилие произведений искусства пробудили у обоих страсть к рисованию и живописи. В первые же дни своего пребывания в Риме Гоголь замечает: «До сих пор я больше держал в руке кисти, чем перо» [18. С. 197]; в феврале 1839 г. он пишет Жуковскому: «Моя портфель с красками готова, с сегодняшнего дня отправляюсь рисовать на весь день, я думаю, в Колизей» [18. С. 201]. От видов Колизея, нарисованных Гоголем, не осталось и следа, но акварель Гете на этот же сюжет сохранилась [9. Ил. 48]. Возможно, в Риме рисование было главным занятием Гете, написавшего в декабре 1787 г. следующее:

Рисование и изучение искусства приходят на помощь поэтическому творчеству, вместо того, чтобы мешать ему; писать вообще нужно мало, а рисовать необходимо много [5. С. 477].

Однако любительские занятия живописью и рисованием не столь важны как тот факт, что оба писателя в Риме испытывали приливы творческого вдохновения, окрылявшего их литературные труды. Гоголь не только закончил первый том поэмы «Мертвые души»; известно, что он много писал и перерабатывал уже написанное. В свою очередь, Гете, чье пребывание в Риме было намного короче, чем гоголевское, закончил трагедию «Ифигения в Тавриде», написал историческую драму «Эгмонт», идиллию «Герман и Доротея», пасторальную драму «Эрвин и Эльмира», работал над драмой «Тассо», обдумывал новые сюжетные повороты для трагедии «Фауст» и ро-

мана «Вильгельм Мейстер», на вилле Боргезе задумал сцену «Кухня ведьмы» для трагедии «Фауст» и, наконец, вчерне набросал «Римские элегии» и этюд, посвященный римскому карнавалу.

Погружение в интенсивную жизнь столицы всех искусств и собственное творчество побуждало обоих писателей стремиться к уединению. Известно, каким скрытным, застенчивым и замкнутым человеком был Гоголь: в феврале 1838 г. он писал Данилевскому:

У меня теперь в Риме мало знакомых или, лучше, почти никого (Репнины во Флоренции). Но никогда я не был так весел, так доволен жизнью [18. С. 121].

Однако и Гете с его солнечным характером вел в Риме уединенную жизнь, имел вид довольно замкнутый, не сближался ни с кем [5. С. 390] и мечтал остаться в Риме надолго. Жизнь, которую писатели вели в Риме, отстраняла их от светской суеты, их творческое вдохновение ничто не стесняло – и это нравилось им до такой степени, что они переставали интересоваться тем, что происходит в остальном мире. Об этом образе жизни Гоголя оставил свидетельство П.В. Анненков:

Под воззрение свое на Рим Гоголь начинал подводить в эту эпоху и свои суждения вообще о предметах нравственного свойства, свой образ мыслей и, наконец, жизнь свою. Так, взлелеянный уединением Рима, он весь предался творчеству и перестал читать и заботиться о том, что делается в остальной Европе [13. С. 293].

Аналогичный образ жизни Гете в Риме засвидетельствован им самим:

Я так далек теперь от мира и от всего мирского, что я испытываю странное ощущение, когда читаю газету. Формы этого мира преходящи, я же хотел бы заниматься тем, что неизменно... [5. С. 412].

Оба охвачены страстью к учебе. Гоголь воспринимал Рим как текст, как книгу, как роман – он неоднократно говорит о «чтении Рима» [18. С. 115, 156] и хочет изучить римский народ: «Я теперь занят желанием узнать его» [18. С. 142]. Гете выражает желание изучать искусство в «строгом Риме» – и далее говорит: «<...> я нахожусь в стране искусства: дайте мне проработать эту область, что-

бы обеспечить себе покой и радость на всю остальную жизнь» [4. С. 394]; «В Риме охотно учишься» [4. С. 222].

Оба великих писателя отличались сходными вкусами и даже слабостями. Они любили одни и те же шедевры искусства, одни и те же места: собор Святого Петра, Пантеон, виллы аристократов, галереи, Сикстинскую капеллу с фресками Микеланджело, «Преображение» Рафаэля, церковь Сант-Онофрио, где похоронен Тассо, пустынную равнину Римской Кампаньи, виллу Фарнезина, Колизей – этот последний оба любили посещать по ночам, при лунном свете и блеске факелов⁶. Однако все эти аттрактивные объекты были общепризнанными, они входили в итинерарий любого путешественника. Менее обычным было предпочтение, оказываемое Гете и Гоголем глухому уголку на берегу Тибра, именуемому Аква Ачетоза: это место многократно упомянуто Гете [5. С. 389, 409], а любовь к нему Гоголя документирована А.О. Смирновой [13. С. 355]. Столь же общей была их страсть к римским закатам, которые Гоголь обессмертил в финале отрывка «Рим», а Гете постоянно вспоминает в «Итальянском путешествии». Несколько более прозаична страсть обоих писателей к римским остериям и тратториям. Гоголь предпочитал тратторию Фальконе у Пантеона и Лепре на Виа Кондотти; Гете обычно посещал Остерию делла Кампана на Викола ди Монте Савелло. Гете прославил римские остерии в XV римской элегии, а Гоголь в письме А.А. Иванову в 1840 г. вспоминал их так:

Теперь сижу в Вене, пью воды, а в конце августа или в начале сентября буду в Риме, увижу вас, побредем к Фалькону есть *Vacchio arosto* или *girato* и осушим фольету *Asciuto*, и настанет вновь райская жизнь⁷ [18. С. 289].

Неудивительно также, что обоим очень нравилось посещать спектакли римских театров марионеток; следы этих впечатлений хранят некоторые темы и литературные приемы текстов обоих писателей.

Оба действительно противопоставляли сияние южного света сумеркам северного дня (VII элегия, «Итальянское путешествие» Гете), сладость

⁶ В то время как сам Гете пишет об этих экскурсиях в «Итальянском путешествии», о Гоголе мы знаем от А.Н. Карамзина, см. [24].

⁷ *Vacchio arosto* или *girato* (рим. диалект; ит. *abbacchio arosto* о *girato*) – ягнятина поджаренная или на вертеле; фольета (рим. диалект, *fojetta*) – старая римская мера емкости для продажи вина (пол-литра); *Asciuto* (ит. *asciutto*) – сухое белое вино.

римского климата – суровости родного Севера (гоголевский «Рим»).

Лишь в самом начале римского гостевания оба писателя ностальгически замечали аналогии между местной жизнью и образом жизни в их родных странах: в апреле 1837 г. Гоголь писал Данилевскому о сходстве образа жизни в Италии и в Малороссии:

Мне кажется, что будто бы я заехал к старинным малороссийским помещикам. Такие же дряхлые двери у домов, со множеством бесполезных дыр, марающие платья медом; старинные подсвечники и лампы в виде церковных. Блюда все особенные, все на старинный манер [18. С. 95].

Гете во втором итальянском путешествии заметил:

Только теперь деревья, скалы и самый Рим становятся мне дороги; до сих пор я всегда ощущал их как нечто чуждое; напротив, меня радовали ничтожные предметы, напоминающие мне то, что я видел в юности [5. С. 374].

Страсть обоих к Риму заставляла их сурово осуждать поведение иностранных туристов, «форестьеров». Гете сравнивает их с надоедливými мухами:

Здесь опять находятся иностранцы, с которыми я иногда осматриваю галереи: они как осы в моей комнате, которые бросаются в окно, принимая прозрачное оконное стекло за воздух; потом опять отскакивают прочь и жужжат по стенам [5. С. 478], –

а Гоголь в одном из писем обзывает таких путешественников «не-сносным народом» и раздражается длинной филиппикой по поводу их невыносимой глупости [18. С. 141–142], вплоть до желания вымести их поганой метлой: «Форестьеров гибель. Русских, английшей, французов – хоть метлой мети» [18. С. 184]. Напротив, итальянцев Гоголь высоко ценил, приписывая им развитое чувство прекрасного [18. С. 142], за что его и критиковали его друзья: в частности, Н.М. Языков заметил, что Гоголь «почитает всякого итальянца священной особою, почему его и обманывают на каждом шагу» [13. С. 345].

То и дело оба спорадически отдавали дань литературным клише, таким, например, как расхожее представление о праздных, но счастливых итальянцах – лаццарони – эти клише равно очевидны и в отрывке Гоголя «Рим», и в «Итальянском путешествии» Гете.

Любопытная деталь: оба писателя были склонны оживотворять

неживое, беседуя со статуями и архитектурными памятниками Рима. Зачин I римской элегии Гете гласит: «Камень, речь поведи! Говорите со мною, чертоги!..» [25. С. 183], в V элегии читаем: «Прошлый и нынешний мир громко ко мне говорят» [25. С. 185]. В восприятии Гоголя римские здания – это живые и прямо-таки болтливые существа: с ним беседуют собор Святого Петра, Монте Пинчо, Колизей, рассердившиеся на Балабину [18. С. 130], а писатель им отвечает [26]. Артефакты оживают и у Гете: вечером накануне отъезда конная статуя Марка Аврелия как бы указывает ему дальнейший жизненный путь [18. С. 599]. Добавим к этому и современную параллель: однажды дождливым римским вечером не показалось ли Иосифу Бродскому, будто Марк Аврелий ожил и пошевелился, роняя свои максимы как капли дождя? [27].

Нити аналогий, связующие римские переживания двух великих писателей, особенно плотно сплетаются на экзистенциальной плоскости. Их реакция на Вечный город ознаменована эмоциональными нотами энтузиазма, счастья, ощущением полноты возвышенной жизни так же, как и у большинства других иностранных путешественников. Сокровища искусств, виллы, ландшафты, цветы, закаты, пища, вино, женщины, Римская Кампанья и маленькие городки в окрестностях Рима, например Каstellи Романи, – все это они любят. И для обоих вторая встреча с Римом важнее первой в том, что касается постижения города, искусства, собственного духовного роста и экзистенциальных категорий. Под конец своего второго пребывания в Риме Гете пишет:

<...> за последние восемь недель я испытал высшее за всю мою жизнь удовлетворение <...>. В Риме впервые я обрел самого себя, впервые, достигнув внутренней гармонии, почувствовал себя счастливым и разумным... [5. С. 569–570].

В Риме он почувствовал себя на пике своих жизненных сил [5. С. 411]. Гете неоднократно утверждал, что он счастлив, спокоен, что в Риме он стал внутренне цельным, и признается: «<...> я спокоен и, кажется, успокоился на всю жизнь» [5. С. 132].

Гоголь пламеннее и гиперболичнее в своих декларациях на ту же тему: уподобление Вечного города раю маркирует его душевное расположение как совершенное, полное райское блаженство:

<...> никогда я не чувствовал себя так погруженным в такое спокойное блаженство <...>. В душе небо и рай [18. С. 121].

Но Рим, наш чудесный Рим, рай, в котором, я думаю, и ты живешь мысленно в лучшие минуты твоих мыслей, этот Рим увлек и околдовал меня. Не могу да и только из него вырваться [18. С. 159].

В январе 1840 г. Гоголь писал Жуковскому из Москвы:

<...> светлый, с оживленной душой отправлюсь в мой обетованный рай, в мой Рим, где вновь проснусь и окончу труд мой [18. С. 270].

А несколько дней спустя – М.А. Максимовичу:

Если бы ты знал, как тягостно мое существование здесь, в моем отечестве! Жду и не дождусь весны и поры ехать в мой Рим, в мой рай, где я почувствую вновь свежесть и силы, охлаждающие здесь [18. С. 272].

И он, подобно Гете, был склонен апологетически восхвалять столь мучительно-чуждое ему в любом другом месте ощущение ясности и спокойствия, даруемое Римом: в одном из писем к Балабину он утверждает, что «великое милосердие Бога» его «бросило в страну, в рай, где не мучат его невыносимые душевные упреки, где душу его обнял покойствие, чистое как то небо, которое теперь окружает...» [18. С. 245]. В Риме писатель обрел идиллию и способность воспринимать жизнь как райское блаженство: он много размышляет об этом и в письмах, и в отрывке «Рим», где нанизываются атрибутированные римскому пространству соответствующие эпитеты: «Тут противоположное чувство; тут ясное, торжественное спокойствие», «с невыразимым спокойствием», «какое-то невидимое присутствие на всем ясной, торжественной тишины, обнимавшей человека», «чувство, объятое спокойной торжественностью тишины» [4. С. 234–245].

В глазах обоих писателей Рим – это еще и пространство инициации, то место, где можно постигнуть глубокие тайны искусства. Такого рода утверждения в их текстах бесчисленны и очень сходны: в соборе Святого Петра Гете постиг верховную власть искусства [5. С. 140–141], Гоголь же заявил буквально следующее: «Тут только знаешь, что такое искусство» [18. С. 100].

В Риме оба чувствовали себя как дома. Гете писал в «Итальянском путешествии»:

Порадуйтесь за меня, что я остался в Риме! Я совершенно с ним освоился... [5. С. 424].

В мире только один Рим, и я чувствую себя здесь как рыба в воде, плаваю поверху, как пушечное ядро в ртути, которое во всякой другой жидкости пойдет ко дну [5. С. 377–378].

19 сентября 1837 г. (н.ст.), Гоголь признавался в письме Н.Я. Прокоповичу:

Холера, опустошающая теперь Рим, расстроила теперь все мои планы и предположения. Я уже так было устроился и распорядил дела свои, что мог жить в Риме, как у себя дома... [18. С. 110].

Ничего родного до самого Рима [18. С. 176].

Рим оказался способен примирить обоих с идеей смерти: в 1837 г. Гоголь утверждает: «Нет лучше участи, как умереть в Риме» [18. С. 114], а в 1841 г. подтверждает в письме к А.С. Данилевскому, что он чувствует себя как путешественник, готовый безмятежно отправиться в последний путь [18. С. 343]. Гете же восклицает в VII римской элегии: «Здесь, Юпитер, меня потерпи; а после Меркурий, // Цестиев склеп миновав, гостя проводит в Аид» [25. С. 187].

В Риме оба писателя пережили второе рождение. Концепт возрождающего Рима, созданный Винкельманом, к этому времени сделался литературным штампом и был довольно популярен, но в то же время он был истиной – истиной для обоих писателей, немецкого и русского. Гете часто повторял эту мысль в «Итальянском путешествии» и утверждал, что в известной степени чувствует себя итальянцем [5. С. 426]:

Я действительно переродился, обновился и наполнил свой внутренний мир [5. С. 411].

<...> я считаю новым днем рождения, подлинным перерождением тот день, когда я вступил в Рим [5. С. 154].

Осенью 1837 г., на волне энтузиазма по поводу возвращения в Рим, Гоголь признал именно Вечный город своей истинной родиной, родиной своей души («я родился здесь» [18. С. 111]). Для обоих писателей жизнь в Риме стала залогом духовного возрождения и условием становления. Будучи в Москве в 1840 г., Гоголь в письме к Жуковскому исповедовался в своем желании:

<...> уехать скорее как можно в Рим, где убитая душа моя воскреснет вновь, как воскресла прошлую зиму и весну: приняться горячо за работу и, если можно, закончить роман в один год [18. С. 271].

Так и случилось: Вечный город подвигнул Гоголя подарить миру первую часть «Мертвых душ». Как подчеркивал А.Д. Сивянский в книге «В тени Гоголя», римская «стабильность» позволила писателю увидеть свое отечество с необходимого расстояния и одновременно дала ему возможность пережить неожиданную встречу с далеким отечеством благодаря его «второму римскому рождению» [28].

Взаимоотношения с Римом обоим писателям представлялись не только лично, но и до некоторой степени социально, если даже не национально-значимыми. Плоды их личного опыта постижения Рима должны были быть оценены обществом. Таким образом, их знакомство с Римом должно было иметь общественную и дидактическую целесообразность, и у обоих это побуждение выразилось в педагогической интенциональности их текстов. В «Итальянском путешествии», сразу по прибытии в Рим, Гете открытым текстом, программно декларирует эту интенцию:

<...> я глубоко убежден, что все эти сокровища я привезу не для личного пользования и употребления, но что они послужат и мне и другим руководством и стимулом на всю жизнь [5. С. 131].

Эту же идею Гоголь выразил в одном из пассажей отрывка «Рим»:

И самое это чудное собрание отживших миров, и прелесть соединенья их с вечно-цветущей природой – все существует для того, чтобы будить мир, чтоб жителю севера, как сквозь сон, представлялся иногда этот юг, чтоб мечта о нем вырывала его из среды хладной жизни, преданной занятиям, очерствляющим душу, – вырывала бы его оттуда, блеснув ему нежданно уносящею вдаль перспективой, коллизейскою ночью при луне, прекрасно умирающей Венецией, невидимым небесным блеском и теплыми поцелуями чудесного воздуха, – чтобы хоть раз в жизни был он прекрасным человеком... [4. С. 242–243].

Идеал «прекрасного человека», цельной и гармоничной человеческой натуры, к которому Гоголь так страстно стремился и к которому он приблизился в Риме, был отнюдь не чужд и Гете, который 9 октября 1828 г. признавался Эккерману:

По правде говоря, только в Риме я понял, что значит быть человеком. Большого душевного подъема, большего счастья воспри-

ятия мне уже позднее испытать не довелось, и такой окрыленной радости тоже. В сравнении с тогдашним моим состоянием я, собственно, никогда уже не был счастлив [29]⁸.

В глазах Гете – возможно, это было результатом его личного опыта – человек в Риме, каждый человек, становится лучше:

Самый обыкновенный человек становится здесь чем-то, он получает, по крайней мере, необыденные понятия, если они и не становятся частью его существа [5. С. 156].

Глубина эстетических, экзистенциальных и творческих переживаний, которые оба писателя испытали в Риме, подчеркивает отличие двух великих гениев от большинства других путешественников, пусть даже художников и писателей: Гете и Гоголь были не только «писателями в Риме», они были интерпретаторами эстетики Рима, они были «писателями Рима» в той мере, в какой сумели создать свой собственный, совершенно оригинальный образ Вечного города: для Гете это Аркадия (ср. эпитафия к «Итальянскому путешествию»: «*Auch ich in Arkadien!*» – «Et in Arcadia ego»), для Гоголя – идиллия и осуществление ретроспективной утопии. Однако, несмотря на утопический характер гоголевского «чувства Рима», созданный им образ города смелее и оригинальнее гетевского, поскольку Гоголю удалось преодолеть господствующую в те времена любовь к памятникам древности и шедеврам эпохи Возрождения: гоголевское видение Рима обнаруживает глубокое интуитивное понимание эстетической и урбанистической значимости римского барокко.

Нам остается поставить последний акцент, а именно: выяснить, есть ли в «римских» текстах Гоголя гетевские мотивы, и если да, то в какой мере они (мотивы) в них (текстах) присутствуют. И здесь мы тоже вступаем в область переплетения мотивов и ассоциаций в жанре арабески, на сей раз литературной. Эта тема заслуживает отдель-

⁸ Эккерман повествует о том, как только что вернувшийся из Италии Гете сказал в беседе с профессором Гёттлингом: «Рим, – произнес он, – вы должны увидеть Рим, чтобы стать человеком! Какой город! Какая жизнь! Какой мир! Ото всего, что в нас есть мелкого – в Германии не отделаешься. Но стоит нам ступить на улицы Рима, и с нами происходит чудесное превращение – мы чувствуем себя не менее великими, чем то, что нас окружает.

– Почему вы не остались там подольше? – спросил я.

– Кончились деньги и кончился отпуск, – гласил ответ» [29].

ного рассмотрения; в предлагаемой работе я ограничусь только одним примером.

25 августа (н. ст.) 1839 г., в письме С.П. Шевыреву из Вены, Гоголь обронил следующую весьма знаменательную фразу: «О Рим! Рим! Мне кажется, пять лет я в тебе не был. Кроме Рима нет Рима на свете...» [18. С. 242]: и это есть не что иное, как почти точная цитата из «Итальянского путешествия»: «В мире только один Рим <...>» [5. С. 377–378]. Пожалуй, эта параллель позволяет избавиться от сослагательного наклонения, до сих пор присутствовавшего в гоголеведении по поводу возможности знакомства Гоголя с текстом «Итальянского путешествия» Гете, и утверждать с определенной уверенностью, что русский писатель был с ним знаком, тем более что к концу 1830-х гг. оно было практически полностью опубликовано.

Влияние Рима на поэтику обоих писателей и отголоски «Итальянского путешествия» в произведениях Гоголя столь масштабны, что достойны стать объектом отдельного исследования. Следовательно, изучение творчества Гете и Гоголя продолжается.

*Перевод с итальянского О.Б. Лебедевой
(Томский государственный университет)*

Литература

1. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. М., 2001. Т. 1. С. 868–869 (комментарий).
2. Лебедева О.Б. Рецепттивная история стихотворения И.-В. Гете «Mignon» в русской словесности XIX–XX вв. // Евразийский межкультурный диалог: «свое» и «чужое» в национальном самосознании культуры / под ред. О.Б. Лебедевой. Томск, 2007. С. 223–247.
3. Жирмунский В.М. Гете в русской литературе. Л., 1982.
4. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. М., 2009. Т. 3. С. 502–503, 466–468.
5. Гете И.В. Итальянское путешествие / пер. Н.А. Холодковского. М., 2013.
6. Джулиани Р. Рим в жизни и творчестве Н.В. Гоголя, или Потерянный рай. М., 2009.
7. Манн Ю.В. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М., 2004. С. 429–448.
8. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.; Л., 1952. Т. 8. С. 190.
9. Рисунки русских писателей XVII–начала XX века / авт.-сост. Р. Дуганов. М., 1988.
10. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.; Л., 1952. Т. 9. С. 144.
11. Primavesi P. Festa e memoria culturale. Sull'interpretazione del carnevale romano nel «Viaggio in Italia» di Goethe // Figure e forme della memoria culturale / A cura di F. Fiorentino. Macerata, 2011. P. 59–72.

12. Янушкевич А.С. Рецептивные модели римского карнавала в русском травелогe 1820–1830-х гг. // *Образы Италии в русской словесности*. Томск, 2011. С. 340–343.
13. Вересаев В. Гоголь в жизни. М., 1990. С. 297–298.
14. Лотман Ю.М. Истоки «толстовского направления» в русской литературе 1830-х годов // *Учен. зап. Тарт. гос. ун-та*. 1962. Вып. 119. С. 3–77.
15. Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин, 1992. Т. 3. С. 49–90.
16. Шевырев С.П. Итальянские впечатления / сост. М.И. Медовой. СПб., 2006. С. 522.
17. Джулиани Р. «Девушка из Альбано». Виттория Кальдони-Лапченко в русском искусстве, эстетике и литературе. Рома, 2012. С. 23.
18. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. М.; Л., 1952. Т. 11.
19. Goethe a Roma. Disegni e acquerelli da Weimar / A cura di P. Chiarini. Roma, 1988.
20. *Angelika Kauffmann e Roma* / A cura di O. Sander. Roma, 1998.
21. Архив братьев Тургеневых. Вып. 6. Переписка Александра Ивановича Тургенева с кн. Петром Андреевичем Вяземским. Т. 1: 1814–1833 годы / под ред. Н.К. Кульмана. Пг., 1921 (Лейпциг, 1976). С. 155.
22. Catalano G. Da Tischbein a Warhol: Goethe nella Campagna di Roma // *Roma e la Campagna romana nel Grand Tour* / A cura di M. Formica. Roma; Bari, 2009. С. 259–266.
23. Лики Гоголя / под ред. М.С. Гомозковой. М., 2009.
24. Заборов П. А.Н. Карамзин и его письма из Рима (1837) // *Из России в Италию. Творческая интеллигенция и Рим (XVIII–XIX век) = Dalla Russia in Italia. Intellettuali e artisti a Roma (XVIII e XIX secolo)*. Salerno, 2015. С. 161.
25. Гете И.В. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1975. Т. 1.
26. Серман И.З. Римские письма Гоголя // *Гоголь и Италия* / сост. М. Вайскопф, Р. Джулиани. М., 2004. С. 174–176.
27. Бродский И. Дань Марку Аврелию / авториз. пер. Е. Касаткиной // *Сочинения*. СПб., 2000. Т. 6. С. 244.
28. Синявский А.Д. [Абрам Терц]. В тени Гоголя. Париж, 1981. С. 393–394.
29. Эккерман И.П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни / пер. Н. Ман [Электронный ресурс]. URL: <http://www.skyart.com/goethe/ekkerman/ekker08.htm>.

GOGOL – GOETHE – ROME, OR A TRIANGLE WITH ARABESQUES

Giuliani Rita. The Sapienza University of Rome (Rome, Italy). E-mail: giulianir@tiscali.it

Imagology and Comparative Studies, 2016, 1(5), pp.82–102. DOI: 10.17223/24099554/5/6

Keywords: Comparative Studies, Russian-German literary relations, N.V. Gogol, I.-V. Goethe, Rome, Italy.

The article compares Goethe's and Gogol's visits to Rome in the 1780s and 1830s: their vision of the city and the influence of the Eternal city on their lives and works.

Goethe's and Gogol's stays in Rome demonstrates amazing analogies in terms of their biographies: they had common friends. From the very beginning of their

visits to Rome Goethe and Gogol frequented the same artistic circles. Due to the beauty of nature and the abundance of art around, they both felt a great passion for drawing and art.

Goethe demonstrated the love of antiquities and majestic Renaissance, while Gogol, whose taste was influenced by the Baroque tradition of his native culture, had a purely Baroque sense of beauty and was attracted by a modern Rome that had evolved into a work of art during the Renaissance and Baroque. Goethe's Roman happiness had an overtly sensual tone, which was completely alien to Gogol. Gogol eventually fell out of love with the Eternal City, having descended from enthusiasm to indifference, while Goethe left the city on top of the world and was grateful for the "second birth" he had experienced there.

In Rome, both writers experienced rushes of inspiration. The life they lived in Rome saved them from secular vanity, with nothing hampering their creative inspiration. Both great writers had similar tastes and even weaknesses. They liked the same art masterpieces, same places, not only well-known, but lone and secluded, as was, for example, was Aqua Achetozza, a remote nook on the bank of the Tiber. Their second meeting with Rome turned out to be more important for both of them, regarding their perception and understanding of the city, its art, personal spiritual evolution and existential categories.

Their depth aesthetic, existential and creative experiences distinguish them from the most of other travellers: Goethe and Gogol were not only "writers in Rome", they were interpreters of its aesthetics. They were the "writers of Rome", as they succeeded in creating their unique images of the Eternal City. Gogol's image of Rome is more daring and original than Goethe's, as Gogol managed to overcome the popular love of antiquities and masterpieces of the Renaissance: Gogol shows a deep intuitive understanding of the aesthetic and urban significance of the Roman Baroque.

In terms of interweaving motifs and associations in the literary genre of arabesque, the author emphasises the facts that Gogol was familiar with Goethe's *Italian Journey*.

References

1. Gogol, N.V. (2001) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 23 t.* [Complete Works and Letters: In 23 vols]. Vol. 1. Moscow. pp. 868–869.
2. Lebedeva, O.B. (2007) Retseptivnaya istoriya stihotvoreniya I.-V. Gete "Mignon" v russkoj slovesnosti XIX-XX vv. [The reception of J.W. Goethe' poem "Mignon" in Russian literature of the 19th – 20th centuries]. In: Lebedeva, O.B. (ed.). *Evroaziatskiy mezhkulturnyy dialog: "svoe" i "chuzhoe" v natsionalnom samosoznanii kultury* [The Eurasian intercultural dialogue: "ours" and "theirs" in the national consciousness of culture]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 223–247.
3. Zhirmunsky, V.M. (1982) *Gete v russkoy literature* [Goethe in Russian literature]. Leningrad: Nauka.
4. Gogol, N.V. (2001) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 23 t.* [Complete Works and Letters: In 23 vols]. Vol. 1. Moscow. pp. 502–503, 466–468.
5. Goethe, J.W. (2013) *Italianskoe puteshestvie* [Italian Journey]. Translated from German by N.A. Kholodkovsky. Moscow: B.S.G.-Press.
6. Giuliani, R. (2009) *Rim v zhizni i tvorchestve N.V. Gogolya, ili Poteryanny ray* [Rome in the life and work of N.V. Gogol, or Paradise Lost]. Translated from Italian by A. Yampolskaya. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

7. Mann, Yu.V. (2004) *Gogol. Trudy i dni: 1809–1845* [Gogol. Works and Days: 1809–1845]. Moscow: Aspekt-press. pp. 429–448.
8. Gogol, N.V. (1952) *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 t.* [Complete Works: In 14 vols]. Vol. 8. Moscow; Leningrad. pp. 190.
9. Duganov, R. (1988) *Risunki russkikh pisateley XVII – nachala XX veka* [Drawings of Russian writers of the 17th – early 20th centuries]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
10. Gogol, N.V. (1952) *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 t.* [Complete Works: In 14 vols]. Vol. 9. Moscow; Leningrad. pp. 144.
11. Primavesi, P. (2011) Festa e memoria culturale. Sull'interpretazione del carnevale romano nel "Viaggio in Italia" di Goethe [Celebration and cultural memory. The interpretation of the Roman carnival in Goethe's "Italian Journey"]. In: Fiorentino, F. (ed.) *Figure e forme della memoria culturale* [Shapes and forms of cultural memory]. Macerata. pp. 59–72.
12. Yanushkevich, A.S. (2011) Retseptivnye modeli rimskogo karnavala v russkom traveloge 1820–1830-h gg. [Receptive models of the Roman carnival in Russian travelogues of the 1820–1830-s]. In: Lebedeva, O. B. & Pecherskaya, T.I. (eds) *Obrazy Italii v russkoy slovesnosti* [Images of Italy in Russian literature]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 340–343.
13. Veresaev, V. (1990) *Gogol v zhizni* [Gogol in life]. Moscow: Moskovskiy rabochiy. pp. 297–298.
14. Lotman, Yu.M. (1962) Istoki "tolstovskogo napravleniya" v russkoy literature 1830-h godov [The origins of "Tolstoy's direction" in Russian literature of the 1830-s]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*. 119. pp. 3–77.
15. Lotman, Yu.M. (1992) *Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected articles: In 3 vols]. Vol. 3. Tallinn. pp. 49–90.
16. Shevryev, S.P. (2006) *Italianskie vpechatleniya* [Italian impressions]. St. Petersburg: Akademicheskii Proekt. p. 522.
17. Giuliani, R. (2012) "Devushka iz Albano". *Vittoriya Kaldoni-Lapchenko v russkom iskusstve, ehstetike i literature* ["A Girl from Albano". Vittoria Caldognolapchenko in Russian art, aesthetics and literature]. Rome: Gangemi Editore spa. p. 23.
18. Gogol, N.V. (1952) *Polnoe sobranie sochineniy: v 14 t.* [Complete Works: In 14 vols]. Vol. 11. Moscow; Leningrad.
19. Chiarini, P. (ed.) (1988) *Goethe a Roma. Disegni e acquerelli da Weimar* [Goethe in Rome. Drawings and watercolors from Weimar]. Rome.
20. Sander, O. (ed.) (1998) *Angelika Kauffmann e Roma* [Angelika Kauffmann and Rome]. Rome: De Luca.
21. Kulman, N.K. (ed.) (1921/1976) *Arkhiv brat'ev Turgenyevkh. Vyp. 6. Peregiska Aleksandra Ivanovicha Turgeneva s kn. Petrom Andreevichem Vyazemskim. T. 1: 1814–1833 gody* [Archive of the Turgenev brothers. Issue 6. Correspondence of Aleksandr Ivanovich Turgenev with Prince Pyotr Andreyevich Vyazemsky]. Vol. 1. Petrograd (Leipzig). p. 155.
22. Catalano, G. (2009) Da Tischbein a Warhol: Goethe nella Campagna di Roma [By Tischbein to Warhol: Goethe in the Roman countryside]. In: Formica, M. (ed.) *Roma e la Campagna romana nel Grand Tour* [Rome and the Roman countryside in the Grand Tour]. Roma; Bari. pp. 259–266.
23. Gomozkova, M.S. (ed.) (2009) *Liki Gogolya* [Gogol's Faces]. Moscow: Planeta.

24. Zaborov, P. (2015) A.N. Karamzin i ego pis'ma iz Rima (1837) [A.N. Karamzin, and his letters from Rome (1837)]. In: Androssov, S.O., Musatova, T.L., d'Amelia, A. & Giuliani, R. (eds) *Dalla Russia in Italia. Intellettuali e artisti a Roma (XVIII e XIX secolo)* [From Russia to Italy. Intellectuals and artists in Rome (the 18th and 19th centuries)]. Salerno: E.C.I. Edizioni Culturali Internazionali. p. 161.
25. Goethe, J.W. (1975) *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected Works: In 10 vols]. Vol. 1. Moscow.
26. Serman, I.Z. (2004) Rimskie pis'ma Gogolya [Roman letters of Gogol]. In: Weisskopf, M. & Giuliani, R. (eds) *Gogol i Italiya* [Gogol and Italy]. Moscow. pp. 174–176.
27. Brodsky, I. (2000) *Sochineniya* [Works]. Vol. 6. St. Petersburg. p. 244.
28. Sinyavsky, A.D. [Abram Terts] (1981) *V teni Gogolya* [In the Shadow of Gogol]. Paris: Sintaksis. pp. 393–394.
29. Eckermann, I.P. (1828) *Razgovory s Gete v poslednie gody ego zhizni* [Conversations with Goethe in the last years of his life]. Translated by N. Man. [Online] Available from: <http://www.sky-art.com/goethe/ekker/ekker08.htm>.